

«ТЕХНИЧЕСКАЯ СТАГНАЦИЯ» РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ 2025 ГОДА ЛИБО ДЛИТЕЛЬНЫЙ ЭФФЕКТ НЕДОРАЗВИТИЯ?¹

В статье рассматривается проблема, так называемой, «технической стагнации» в России, якобы возникшая в третьем квартале 2025 года. Цель исследования — выявить проявления стагнации и структурных перекосов развития на значительно более длинном интервале, как минимум с 2011–2013 гг., когда началось десятилетие стагнации, после весьма своеобразной модели экономического роста 2000–2010 гг., с кризисом в 2009 году, специфика которой состояла в том, что формировались две иглы зависимости российской экономики — сырьевая и импортная, причем деградировали промышленность и технологии. Методологию составляет макроэкономический анализ роста и развития, теории роста, представления о фазах цикла — кризисе, стагнации, оживлении и росте. Основной результат состоит в обосновании того, что только в России сложился диктат финансовых вложений, «подавляющих» рост нефинансовых вложений, что не могло не сказаться на торможении роста, и на специфической структуре российской экономики с доминированием транзакционного сектора и спекулятивной деятельности. Именно это условие нейтрализует инновационность, новые технологии, понижает показатель уровня технологического развития, тормозит инновации в производственной сфере. Тем самым, указанные структурные особенности, плюс к ним проводимая монетарная политика, сдерживающая авансирование развития и монетизацию, провоцировали перманентную стагнацию, причем, абсолютно не технического, а длительного характера. Поэтому оценки по «технической стагнации» следует признать научно несостоятельными и ошибочными.

Введение

Данная статья подготовлена как своеобразный ответ Герману Оскаровичу Грефу на его выступление о технической стагнации российской экономики на Восточном экономическом Форуме России 2–5 сентября 2025 года. Цель статьи — показать длительный режим стагнации (недоразвития) экономики России в силу проводимой монетарной политики, причем сделать это на эмпирическом материале в рамках сравнительного анализа, что и составляет методологию. Для достижения цели, рассмотрим две задачи.

Во-первых, раскроем закрепившееся в экономической науке представление о термине «стагнация экономики», который часто трактуется вольготно, и, кстати, среди экономистов нет единого мнения даже по депрессии, не говоря уже о стагнации, а затем приведем некоторые данные, подтверждающие ее наличие в значительно более глубоком периоде для России, причем вызванное проводимой монетарной политикой (повторяющимися ее клише и ошибками).

Во-вторых, раскроем пороки неоклассических моделей роста и развития и дадим контуры новой монетарной политики экономического роста и развития — согласно экономическому кругу процветания (см. работы С. Ю. Глазьева, О. С. Сухарева).

Последовательно раскроем обозначенные аспекты.

Что такое стагнация экономики и возникла ли она только в июле–августе 2025 года?

Выступая на Восточном экономическом Форуме 3–4 сентября 2025 года, Глава Сбербанка Герман Греф отметил, что по итогам июля–августа месяцев 2025 года производство не растет, находится около нулевой отметки. Это не что иное как «техническая стагнация» с его слов. В классическом понимании стагнация означает застой экономики (в переводе с латыни — неподвижность, стоячая вода), низкий динамизм развития, отсутствие или слабость инноваций, отсутствие существенного повышения жизненного уровня граждан, сопровождаемый ростом безработицы в результате застоя производства (такие представления существовали в XX веке во многих трудах и использовались для характеристики Великой стагнации 1970-х гг., которая провоцировалась шоками предложения в силу подорожания нефти и газа). Сегодня в отдельных научных работах под стагнацией может пониматься даже замедление темпа экономического роста, скажем, с 3 до 1,5–1,8% (кстати, как раз российский вариант, однако необходимо учитывать как долго Россия не выходила на рост в 3% с 2012 по 2023 год, что можно называть десятилетием стагнации, а если оценивать два или три десятилетия развития страны и посчитать средний темп роста, он и будет 1,1–1,3%, так, что это, если не стагнация развития космической, ядерной державы?).

¹ Статья написана по итогам Восточного экономического Форума 2–5 сентября 2025 года, в частности, поводом послужило выступление Председателя Сбербанка России Германа Оскаровича Грефа по поводу, якобы, только «технической стагнации» и необходимости понижать процентную ставку. Аналогичный материал представлен на Русскую народную линию в несколько сокращенном варианте с расшифровкой — «прозревшие» (это касается понижения ставки). Хотя представители ЦБ РФ, а также некоторые адепты весьма условной модели ПРВ (Маевский — Малков — Рубинштейн как разработчики указанной модели) — якобы переключающегося режима воспроизводства, высказываются за медленное снижение, не уточняя, что, считать медленным, а что быстрым снижением, да и формируя свои доводы на призрачных модельных оценках (иногда ошибочных) или неоклассических фетишах (в случае с ЦБ РФ). Вместе с тем, в России возник своеобразный «консенсус» на снижение ставки.

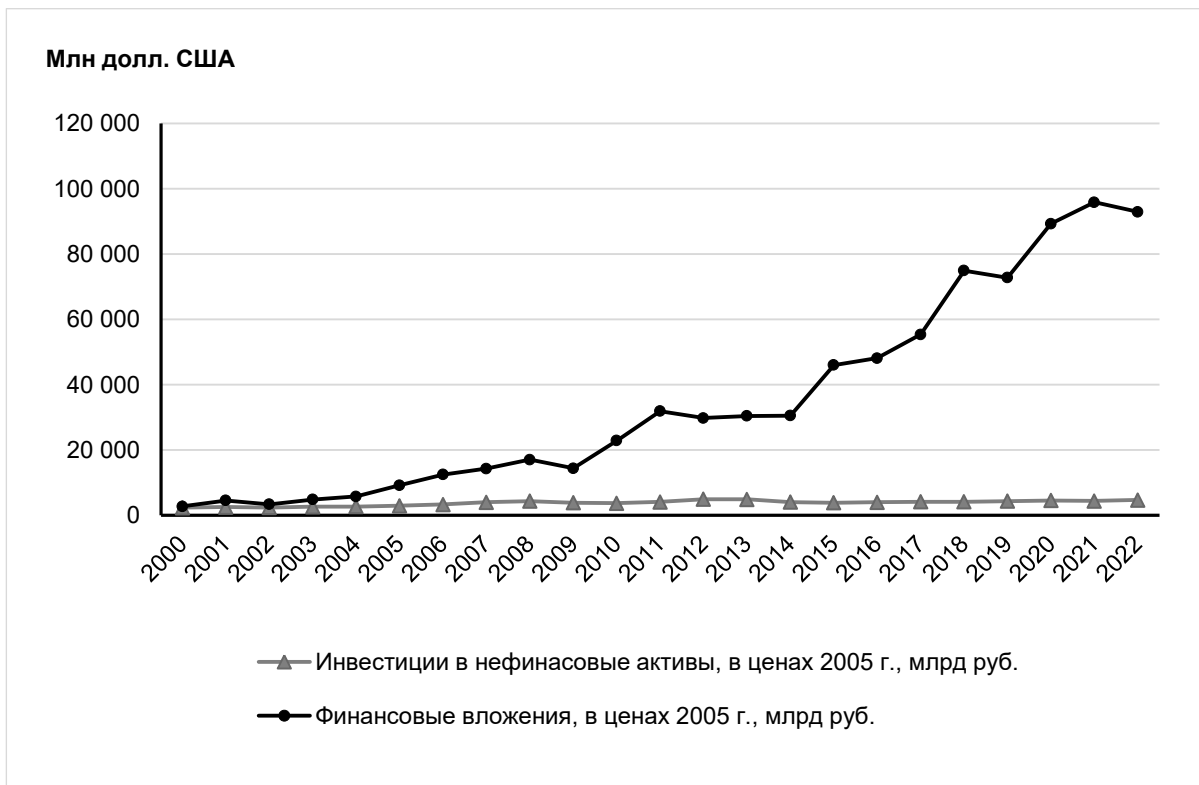

Рис. 1. Вложения финансовые и нефинансовые активы в России, в ценах 2005 года²
(млрд руб.)

Монетарная политика России на протяжении многих лет все сделала для обеспечения указанной стагнации, причем, отнюдь не технической и не для двух месяцев. Причина в том, что монетарная политика не меняется по своей сути и содержанию, инструментально, а ее проводники и аналитики даже не пытаются оценить силу и эффективность применяемого инструментария как и выделить последовательность действий в антиинфляционном сдерживании, ставя на карту развитие экономики ради «фетишизированной динамики цен в 4%». При этом никого не интересует структура цен и ее изменение. Выходит она может быть любой — это никого не волнует, а вот агрегат в 4% «вынь, да положи». При этом никого не волнует и вопрос, что это достижение, если и состоится (пока за десять с лишним лет его добивались краткосрочно всего два раза и удержать «победу» не смогли) далее создаст причины для повышения цен, нейтрализуя само себя. Однако такие связи обратного характера уже сложны для понимания денежных властей и не принимаются во внимание в угоду неоклассических рецептов макроэкономической политики и фетишизации такого же бездарного математического аппарата, который применяется для обналичивания подобных фетишей. К похожим математическим вещам можно отнести так называемую модель ПРВ через некий коэффициент q якобы объясняющий режимы монетизации в рамках абсолютно неживых допущений и их описаний.

Напомним, что по итогам 2025 года ожидается рост ВВП уже около 1,5% (из доклада А. Силунова Президенту страны), рост промышленного

производства около 2% и обработки около 3% (из сообщения Д. Мантурова на этом же совещании Президенту РФ в самом конце августа 2025 года). Кстати, вполне могут быть получены результаты и ниже. Эти цифры как раз и говорят о стагнации, поскольку страна развивается значительно ниже своего потенциала и своего потенциального роста. И одна из главных причин — это монетарная политика ЦБ РФ. Как следует из заявления Председателя ЦБ РФ от 9 апреля 2025 года в ГД РФ, эта политика должна приводить к понижению инфляции с 14 до 8–9%, что рассматривается как успех. Однако, на сегодня (5 сентября 2025 года, с 14 сентября 2025 года — 17%) ключевая ставка 18% и речь идет в лексике Грефа, о ее снижении хотя бы до 14%, а лучше до 12%, что явно оживит экономику, не допуская втягивания ее в стагнацию кредитования. Однако, и заявленный в Думе ориентир монетарной политики, хотя и лучше 14 и тем более 18%, тем не менее, означает весьма сомнительный успех. Причина в том, что сильно зажата экономика, повышены ставки по кредитам, не работает воспроизводственный механизм капитала («банковский — промышленный капитал»), имеется высокий спекулятивный накат в экономике (как собственно, и отток капитала). Это не позволяет развивать НТП и инновации, тормозится экономический рост. Именно эти исходы и означают подлинную стагнацию экономики, которая развернута и длится уже довольно длительно в России, сдерживая ее развитие и обогащая узкие финансово-спекулятивные круги страны. Причем это стагнация, о которой длительное время говорит академик С. Ю. Глазьев

² Источник: построено автором на основе данных Росстата https://www.gks.ru/investment_nonfinancial, <https://www.gks.ru/folder/14476>, [https://www.gks.ru/storage/mediabank/tab1\(2\).htm](https://www.gks.ru/storage/mediabank/tab1(2).htm).

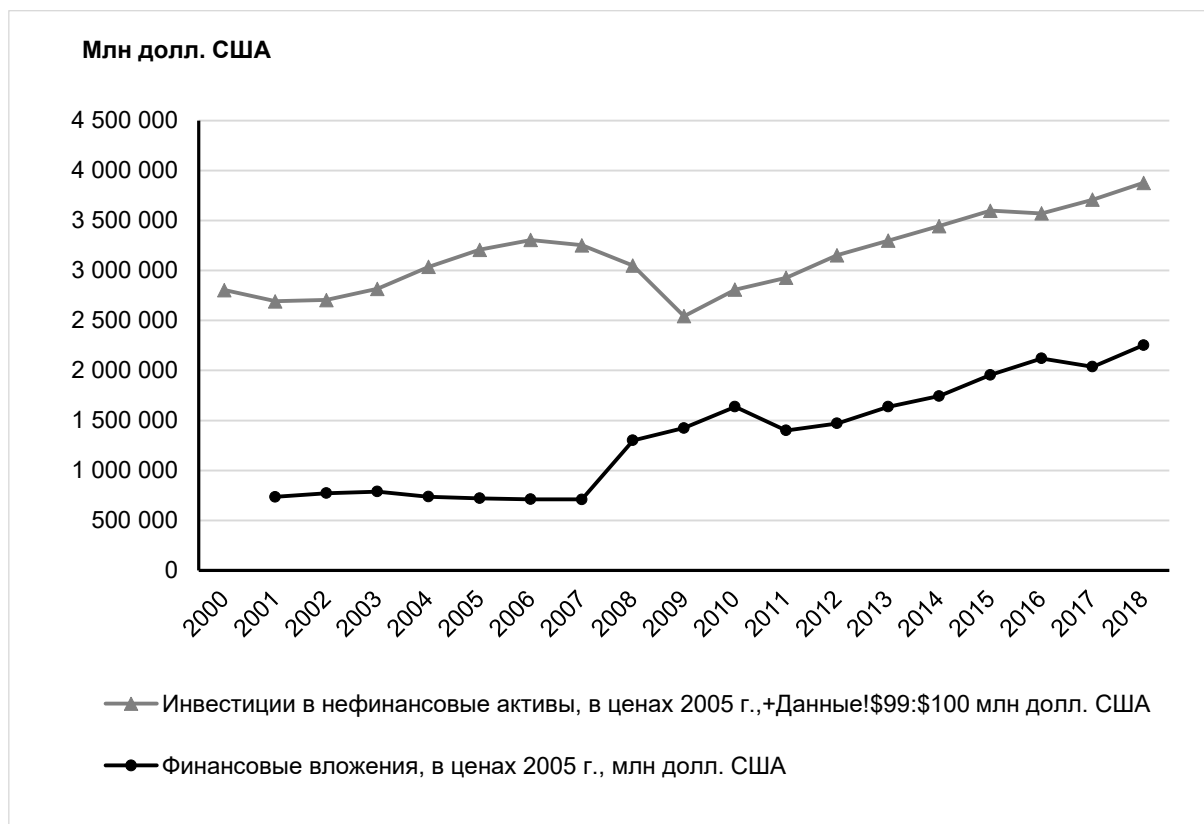

Рис. 2. Вложения в финансовые и нефинансовые активы в США, в ценах 2005 года³
(млн долл. США)

и его научная школа, не только блокирует текущее развитие, она отбрасывает страну назад, обрекая ее на научно-технологическую деградацию, трансформируя негативно мотивы и стимулы деятельности, поскольку поощряет не высокие технологии, науку, а примитивные формы хозяйственной деятельности, спекулятивного характера.

«Управляемое охлаждение» является даже не обнаученной, а просто глупостью, поскольку не было «управляемого разогрева», а цели охлаждения сводятся к стагнации, которую в техническом варианте увидел, наконец, Г. О. Греф. А ведь стагнация очень хорошо, я бы сказал, отчетливо видна на следующих графиках (рис. 1–3, стр. 4–6). Мне представляется, что придумка неадекватных терминов связана с боязнью нарушить «позитивное, победное status quo» о том, как здорово справляется со всем российская экономика в условиях СВО. Однако, именно стагнация, в смысле низкого уровня инноваций и технологического обновления, низкого динамизма — характерна для нашей экономики уже десятилетиями. Вот чего до сих пор не видят «прозревшие» представители банковского сообщества и «глашатаи (гуру)» современного российского капитализма

Рисунок 1 показывает отрыв финансовых инвестиций от инвестиций в нефинансовые активы для России, а рисунки 2 и 3 отсутствие аналогичного эффекта для стран, которые серьезно влияют на мировом фондовом рынке (США, Китай).

Как видим из рис. 1–3, только в России наблюдался беспрецедентный рост финансовых вложений многократно превышающих вложения в нефинансовые активы. В США, которые сильно влияют на мировые фондовые рынки, инвестиции в нефинансовые активы значительно выше финансовых (рис. 2). Для Германии (рис. 3) соблюдается превосходство финансовых над нефинансовыми вложениями, несколько напоминающее российский вариант (рис. 1), однако, она в разы меньше и нет такого расширения как в России к 2022 году (даже в условиях специальной военной операции!).

Рисунок 4 показывает отношение финансовых вложений в трех странах к ВВП (данные по Китаю отсутствовали).

Россия в этой части (по рис. 4, стр. 6) с лихвой превосходила основных западных игроков.

Рисунок 5 показывает отношение нефинансовых вложений к ВВП. И здесь уже данные по Китаю имелись, и он значительно превосходил ключевые — Западные страны.

Отметим по рис. 5 (стр. 6), что отрыв Китая от США и Германии еще и возрастал к 2019 году (предковидному). Такое положение вещей сложилось до ковидного кризиса, и за истекшие пять лет, вряд ли кардинально было изменено. Однако, для целей настоящего анализа важно то, что Россия отличается от приводимых стран — лидеров мирового развития. Такого доминирования финансовых вложений к ВВП и к нефинансовым не имеет ни один член пятерки

³ Источник: построено автором на основе данных Всемирного банка: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.GDI.TOTL.KD> и Международного валютного фонда: <https://data.imf.org/regular.aspx?key=61545853>.

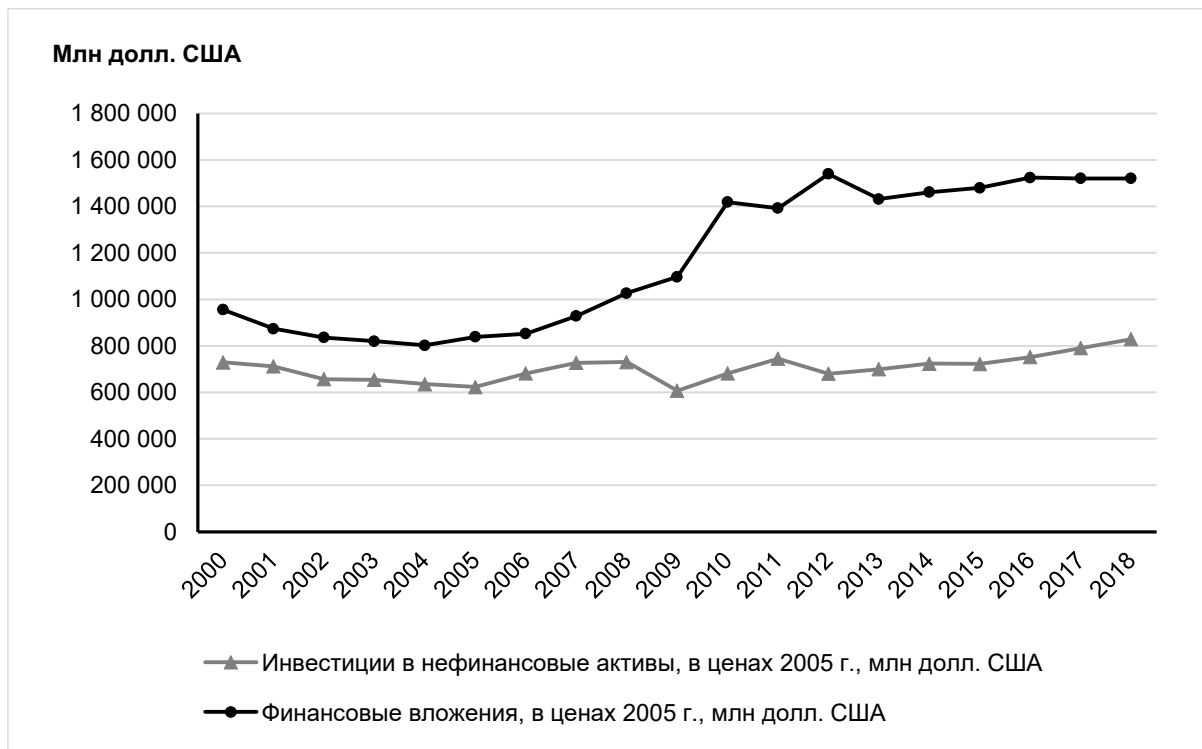

Рис. 3. Вложения в финансовые и нефинансовые активы в Германии, в ценах 2005 года⁴

передовых по развитию стран. Сопоставляя с тем, что российская экономика в этот же период серьезно замедлила рост и стагнировала, можно с достаточным основанием предположить, что такая усиливающаяся структура «финансовые — нефинансовые вложения» вносила в этот результат значимый вклад.

Еще одним подтверждением стагнации российской экономики выступают графики на рисунках 6 и 7 (стр. 8), отражающие наличие инвестиционного тоннеля (по валовому накоплению основного капитала) и проблемы с монетарной политикой по динамике денежного агрегата M_2 .

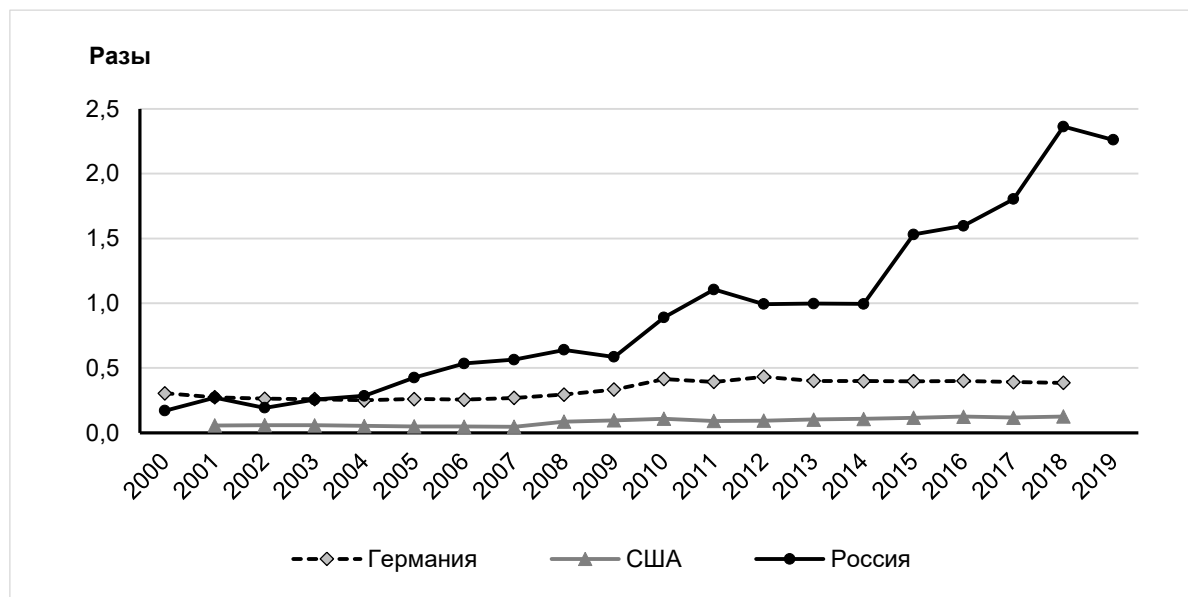

Рис. 4. Отношение финансовых вложений стран к ВВП⁵ (разы)

⁴ Источник: построено автором на основе данных Всемирного банка: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.GDI.TOTL.KD> и Международного валютного фонда: <https://data.imf.org/regular.aspx?key=61545853>.

⁵ Источник: Всемирный банк: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.GDI.TOTL.KD>, Международный валютный фонд: <https://data.imf.org/regular.aspx?key=61545853>. Данные по Китаю отсутствуют.

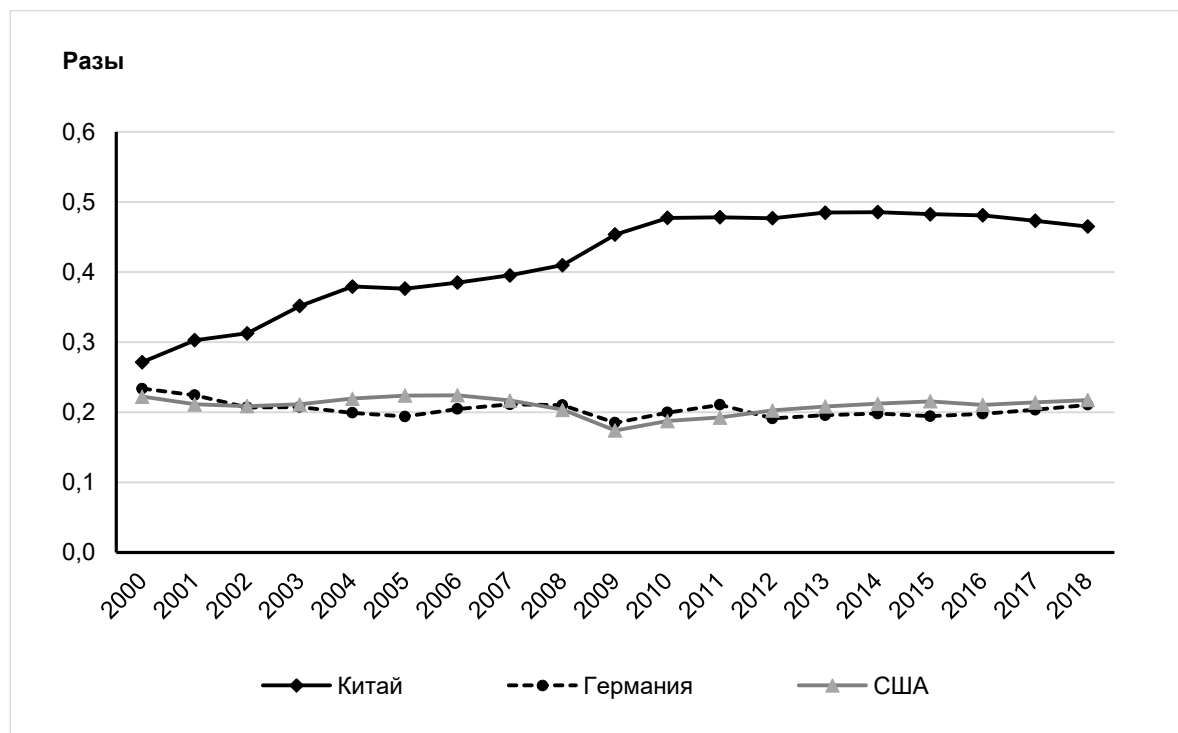

Рис. 5. Отношение нефинансовых вложений стран к ВВП[®] (разы)

Из рисунков 6 и 7 видно, что валовое накопление практически не возрастало в ценах 2000 года в период 2011–2022 гг., находясь, и колеблясь незначительно в неких границах, которые и обозначены автором как своеобразный тоннель. Поэтому данные границы и составляют «инвестиционный тоннель» российской экономики. Его удалось преодолеть только в 2023 году, и к исходу 2024 года и в 2025-м году опять вернуться почти в него же. Конечно, при накоплении основного капитала важна структура этого капитала, распределения инвестиций. Однако, указанная динамика, которая сильно коррелирует с рисунком 7, отражающим уровень монетизации, наводит на мысль о влиянии монетарной политики, причем, ввергающей экономику России в длительную стагнацию и недоразвитие.

Рисунок 8 (стр. 9), показывающий отношение объема инновационной к не инновационной продукции, работам, услугам, демонстрирует длительное снижение этого отношения после периода короткого подъема до 2013 года, что так же подтверждает стагнирование российской экономики отнюдь, даже не в 2025 году в силу проводимой жесткой монетарной политики 2023–2025 гг., а вред повторяющейся такой монетарной политики, которая не справляется с инфляцией, и «давит развитие» уже десятилетиями.

Также снижалась к 2023 году (довольно устойчиво) и доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВДС высокотехнологичных и наукоемких секторов России, что также отражает стагнацию развития. Поэтому обобщая, отметим, однозначный вывод: проводимая макроэкономическая политика в России десятилетиями обрекала экономику на режим недоразвития или стагнации. Это не явление 2025 года, либо июля — августа (второго или третьего квартала этого года) и, разумеется, это явление

не имеет никакого «технического характера», чтобы вводить необоснованный термин о якобы «технической стагнации».

Далее рассмотрим некоторые аспекты новой монетарной политики экономического роста и развития в России.

Новый подход к монетарной политике экономического развития

Неоклассические модели доминируют сегодня в освещении вопросов роста, развития и выстраивания соответствующей (монетарной и бюджетной) политики. Однако они сильно ущербны не только по базовым допущениям, но и по предпринимаемым усилиям их улучшить, модифицировать. В связи с этим особо отмечу, что ни реалий, ни структурных и институциональных, а также технологических моментов они не учитывают. Это относится и к аппарату производственной функции, применяемой для этих целей, и для, так называемых, неких надуманных режимов переключения капитала, якобы разных поколений капитала. Модель ПРВ вводит абсолютно неживые допущения и не позволяет адекватно интерпретировать некие полученные по ней результаты. Все это не работает⁷.

Самый серьезный недостаток подобных моделей с якобы переключением капитала — это то, что в ней ничего не переключается по факту и главное — ничего не может переключиться объективно. Проблема вот в чем. Неоднородность возрастной структуры человеческого капитала (людей) это одна неоднородность. К ее учету прибегали ряд западников, в частности П. Самуэльсон и другие, причем, по одному параметру — возрасту. Это делалось, чтобы как-то попытаться учесть влияние демографии на экономический рост. С. Струмилин в СССР делал оценки влияния различных видов труда на рост. Затем это

Рис. 6. Валовое накопление основного капитала, в ценах 2000 года (млрд руб.)

делали Э. Денисон, а до него Т. Шульц (нобелевский лауреат). Конечно, можно еще добавить к этому — учет по знаниям и т. д. Но человеческий капитал менее неоднороден, нежели физический капитал в модельном смысле по крайней мере. Неоднородность физического (основного) капитала — совсем иная, более существенная. Об этом писал еще Дж. Хикс, считая, что это черная дыра современной ему экономической теории. В металлургии один капитал, в машиностроении иной, и так далее. Технично-технологические и иные характеристики абсолютно отличаются, какие там поколения и переключения? Тогда в каждой отрасли возникают свои переключения, если вообще

они там присутствуют и выделяемы по какому-либо критерию (что представляется мне маловероятным, малоубедительным и даже слабо необходимым)? Там поколения в каждой отрасли свои, как и переключения — и единого подхода быть не может!

Потом переключение — это действие, и им можно управлять, или оно спонтанное, и собственно тогда в чем его смысл и влияющие факторы? Все это, — остается без ответа, делая набор размышлений крайне абстрактным, даже запутывающим, когда, якобы, молодой капитал позволяет производить и получать прибыль, а сильно старый (что значит сильно старый и слабо старый?) позволяет только обновлять

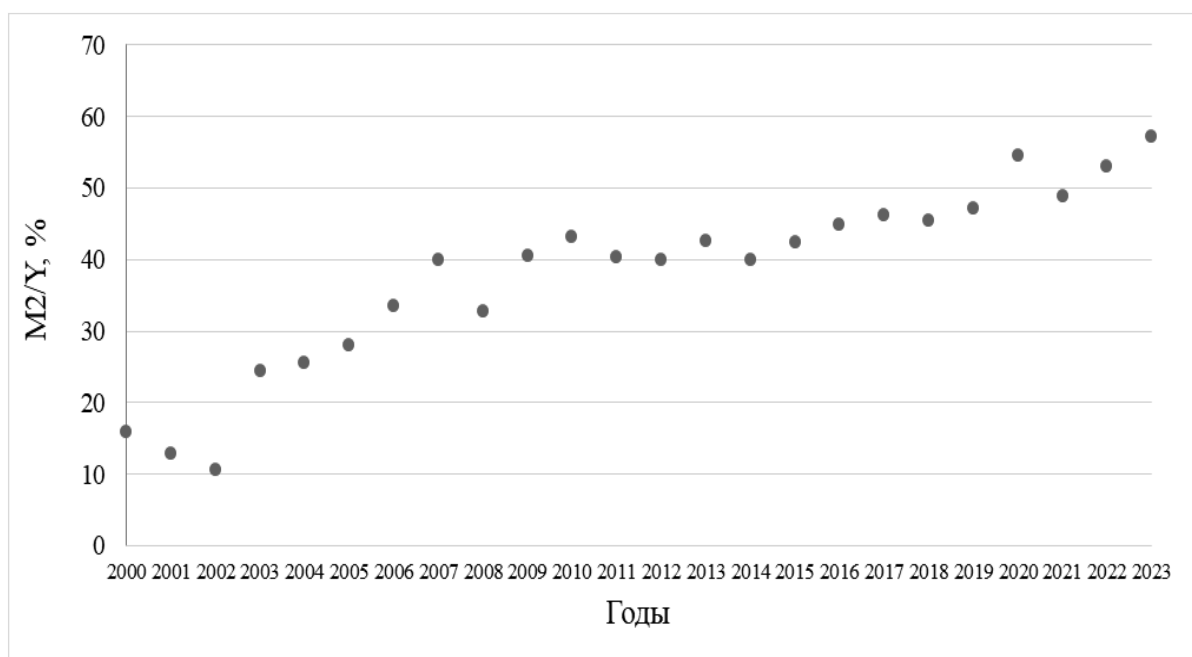

Рис. 7. Показатель монетизации российской экономики (%)

Рис. 8. Уровень технологического развития

капитал⁸. В жизни такого разделения нет ни по отраслям, ни тем более для микро- или макроэкономической системы. Рост и тем более развитие эти выкладки описать не могут. К тому же по такому изменению неоклассических моделей, либо даже вводя оптимизацию, либо не вводя ее, проанализировать и даже просто оценить эффективность мер политики — не представляется возможным, поскольку в модель не встроены изменчивые инструменты политики как таковые, а ее допущения не отвечают реальному положению дел, не учитывается чувствительность релевантных параметров к применяемым инструментам, связи ряда значимых величин и т.д., лаги и другое. Кроме того, нарушается следующая важнейшая методологическая цепочка в построении моделей в экономике: обоснование допущений, построение модели, апробация модели, интерпретация результата, коррекция допущений и коррекция самой модели. Без соблюдения этой методологической цепочки усилия по моделированию в экономической науке мертвы. Это характерно и для, якобы, «моделей переключающегося воспроизводства⁹», какие бы призы она не получила, поскольку суть ее видимо критически и не рассматривалась теми, кто выдает призы. Но псевдоправильный образ и модели, и ее «вклада» все это формирует, оказывая негативное влияние и на развитие науки, и на проводимую политику.

Теория воспроизводства капитала сама по себе рассматривает процесс накопления капитала, и конечно возникающие режимы (если они возникают в жизни) также тогда может объяснить. В рамках теории воспроизводства капитала (могут создаваться и различные модели, но у них должна быть цель и приемлемая сложность, а также выполнены условия

сравнения с иными моделями, которые могут дать полезные трактовки вне такой сложности. Это же относится и к моделям, учитывающим монетарную составляющую. Важен эмпирический анализ и такие же проверки верификации, а также оценка плюсов и минусов любого моделирования без фетишизации последнего как «научной индульгенции».

Суммируя отмечу, что для экономики России имеются ряд релевантных особенностей, которые нельзя не учесть при проведении монетарной и иных видов политики.

Во-первых, — Россия имеет весьма сложную (утяжеленную в сторону транзакционных и сырьевых секторов) структуру, с доминированием транзакционных секторов, с такой рентабельностью, и риском ведения дел, что сказывается на распределении ресурса и требует управляемого его перемещения между отраслями и секторами, чего никогда не наблюдалось. Поэтому, кстати, нельзя говорить ни об управляемом охлаждении, ни о таком же управляемом разогреве.

Во-вторых, — денежная масса растекается по этой структуре неравномерно, с различной вязкостью — абсорбционной способностью денег. Но исходная рентабельность и масштаб вида деятельности влияет на это распределение и абсорбцию.

В-третьих, — уравнение (тождество) Фишера в прямом виде не является уравнением сплошности (неразрывности) подобно уравнению потока жидкости ($V_1 S_1 = V_2 S_2$, где V_1, V_2 — скорости, S_1, S_2 — площадь потока), поэтому описать указанную абсорбцию не в состоянии. В обеих частях уравнения Фишера по смыслу разные параметры (в отличие от уравнения сплошности). Однако, если преобразовать уравнение

⁸ Проблема разного возраста капитала не решена в связи с неумением определить возраст и сам разный капитал. Нельзя сравнивать разный возраст разного капитала. Сравнению подлежит возраст одного и того же капитала (хотя бы по применению — для отрасли, сектора, вида деятельности) либо равнозначного. Как осуществить выделение возраста? Капитал — это не человек! Если робот работает, то год от создания или три могут сильно не повлиять на его работу! А человек в 3 года уже говорит в отличие от года, при прочих равных. В общем, концептуально подобные модели (ПРВ — переключающегося воспроизводства) не продуманы и слабо эффективны, хотя на их формирование (построение) ушло более десятка лет и соответствующие ресурсы. Стоит ли овчинка выделки — большой вопрос. Ввод в них оптимизации вряд ли позволит увидеть макроэкономические эффекты? Каковы основания? Ведь агенты в большинстве своем ничего не оптимизируют!

⁹ Правильнее сказать «якобы переключающегося воспроизводства».

Фишера и представить зависимость, например $P = F(Y)$ цены как функцию от объема продукции, а скорость обращения как функцию величины денежной массы $V = H(M)$, тогда уравнение Фишера можно записать так: $Y * F(Y) = M * H(M)$ и мы получаем весьма сложный вариант уравнения связи продукта и денежной массы. Сложность и в присутствии обратной связи, которая и в прямой форме уравнения и в модифицированной здесь не учитывается, что и ограничивает его применение и различные интерпретации. Однако, пренебрегая этим важным условием, и все-таки продифференцировав по времени модернизированное уравнение Фишера можно получить выражение для темпа роста продукта $Y : gY = m gM$ $H(M) + m dH(M)/dt - dF(Y)/dt$, где m — уровень монетизации, M денежная масса.

Откуда видна ортодоксальная логика монетарной политики, применяемая ЦБ РФ: видно, что темп роста по Фишеру определится уровнем монетизации и темпом роста денежной массы, — и тормозит его инфляция, заданная функцией $F(Y)$. Именно поэтому, следуя такой логике, ЦБ РФ, давит инфляцию так, как он понимает (не правильно!!!) это давление (через высокий процент и торможение роста денежной массы) и полагает, что так он обеспечит экономический рост. При этом упускается из виду релевантная связь прироста денежной массы и монетизации с ростом ВВП, которая подавляется применяемым инструментом жесткой политики, включая процентную ставку. А также структура «инвестиции — потребление», претерпевающая существенное искажение и сжатие при искусственном удорожании денег. В итоге буквально вчера брянский предприниматель мне сказал, что, взяв кредит в миллион рублей, по общему итогу он должен будет заплатить на него сверху еще 400 тыс. рублей, если будет пользоваться суммой год и более. Поэтому следует крайне быстро освободиться от такой обузы. И это уже при ставке в 18%, а не 21%. Мы обсудили с ним ситуацию, и вывод делается один (человек не занимается экономической наукой), что такая политика просто взвинчивает инфляцию, поскольку наращивает на имеющиеся деньги величину, которая ничем не обеспечена, берется, в общем-то, «из воздуха». Об этом Ваш покорный слуга неоднократно заявлял, поскольку процентная ставка является ценой денег, то ее увеличение — это вклад в инфляцию, а в дальнейшем возникающие ограничения на повышательную динамику цен, могут нейтрализовываться, кстати, таким вкладом, увеличивая издержки пользования деньгами во всех секторах экономики. Более того, ЦБ РФ, следуя договорным документам с МВФ, обязан вести соответствующую курсовую политику, подчиняя ей монетизацию экономики. Именно поэтому прирост M_2 в 2022 году составил 26%, в 2023 — 18%, а в 2024 — уже 15%. Происходило явное сдерживание монетизации российской экономики, удорожание обслуживания бюджетного дефицита (госдолга), и привязка смягчения монетарной политики к условию понижения дефицита федерального бюджета (о чем неоднократно заявлял А. Силуанов). При этом высокий процент удорожает обслуживание дефицита (госдолга). Порочный круг монетарной политики налицо, поощряющий подведение экономики к девальвации для решения бюджетных проблем, демонетизацию, валютную спекуляцию и отток капитала под видом «макроэкономической стабилизации» — финансовой стабильности.

Россия нужна иная монетарная политика — именно экономического развития. А это включает обеспечение относительной легкости внедрения научно-технического прогресса как первостепенного фактора повышения производительности труда, ввод инноваций, новых технологий. Данный динамизм и будет означать отсутствие стагнации развития. Однако, поскольку инфляция не может не сопровождать этот процесс, ибо и инновации, и достижения НТП — редкие блага, формирующие под себя дефицитный интересифический ресурс, который относительно дорог, и влияет на повышательную динамику цен, постольку требуется пересмотр антиинфляционной политики таргетирования, как вводящей экономику в стагнацию и блокирующей ее инновационно-технологическое развитие, делающее его не системным, а локализованным (с отдельными героически получаемыми успехами лишь по отдельным направлениям за счет концентрации крайне ограниченных ресурсов на них).

В связи с чем, монетаристская политика гашения инфляции до необоснованного никак таргета — будет давить позитивное экономическое развитие автоматически, ввергая страну в перманентную стагнацию, что подтверждают графики, приводимые выше.

Поэтому внезапно прозревшие отдельные представители бизнеса и политического истеблишмента, а также банкиры, все равно дающие и аккуратно-неверные формулировки и оценки состояния, ими же обеспечивают пролонгацию неэффективной политики, по сути, отбрасывающей Россию на прошлые позиции, консервируя негативные и блокируя позитивные факторы развития. Нет никакого выверенного и научного управления как охлаждением, так и разогревом, это наглядно подтверждают приводимые выше данные. Есть, к сожалению, политика, проводимая в интересах очень небольшой группы обогатившихся и наживающихся на спекулятивных схемах граждан страны, которых устроит и высочайшая ставка, включающая в спекуляцию значительные группы населения, и политика достижения таргета, которая такую процентную ставку якобы обосновывает. Однако никаких научных подтверждений такому обоснованию — нет!

Итог прост — России требуется научно обоснованные виды и инструменты политики, стимулирующие развитие и экономический рост, а не ввергающие ее в длительную, и отнюдь, не «техническую» стагнацию и дикость новоявленных определений в виде «управляемого охлаждения». Контуры этой политики и обоснованный инструментарий давно предложен представителями научной школы С. Ю. Глазьева (включая автора этого материала), в том числе и в рамках доктрины «распределенного управления», структурных моделей роста с монетарным фактором, «процентного портфеля» (предложен еще в 2006–2007 гг. модельно представлен в 2014–2016 гг.). Будем надеяться, что в каком-то будущем, эти созданные подходы займут должное место для построения политики (монетарной и бюджетной) экономического развития.

Заключение

Сформулируем основные выводы анализа.

Во-первых, — прозрение на счет высокой процентной ставки, которая давит развитие России выглядит весьма ограниченным, поскольку опирается на неверные трактовки влияния монетарной политики в длительной перспективе для России и

терминологически не выверенные заключения типа «технической стагнации» или «управляемого охлаждения». Ни управляемого охлаждения, ни такого же управляемого разогрева российская экономика никогда не испытывала, поскольку базировалась на научно не обоснованной политике.

Во-вторых, — нужна новая парадигма монетарной политики, предполагающая «процентный портфель», реализацию принципа «плохого баланса» банковской системы, которые позволят дифференцировать инвестиции и само валовое накопление основного капитала, делая эффект более мультиплицирующим для российской экономики. Необходим вектор движения от спекуляций валютно-финансовых к развитию продуктивных видов деятельности на базе науки, образования высоких технологий. Это, казалось бы, азбучные вещи, а также позиции, которые еще в 2005-2007 г.г. были обоснованы автором в ряде теоретических работ, но без упоминания об этом невозможно создать новую схему монетарной политики экономического развития, а не стагнации как происходит десятилетиями, и не за один год или считанные месяцы в России.

В-третьих, — не вызывает никаких сомнений необходимость понижения ключевой процентной ставки и процентных ставок по авансовому капиталу. Без этого новые технологии и инновации будут блокироваться. Однако, без усилий по изменению главных структурных особенностей, недостаточной монетизации и нефинансовых инвестиций, отходом от спекулятивной модели экономики — не удастся также решить проблемы развития, преодолеть длительную стагнацию российской экономики. Причем в таком случае, когда действия будут примитивизироваться

и сходиться только на одном-двух параметрах — все остальное не позволит им по-настоящему сработать эффективно. И результат будет скромным даже при снижении процентной ставки, что и наблюдалось ранее в современной истории развития России. То есть, понижение процентной ставки должно сопровождаться системными воздействиями на экономику — и это не увеличение импорта (которое приведет к девальвации), либо инвестиций, которые невозможно осуществить по такой стоимости авансового капитала (это предлагается отдельными адептами модели ПРВ? С ошибками!)¹⁰, а тот набор мер и действий, которые обозначены здесь и в наборе прошлых работ автора этой статьи и С. Ю. Глазьева (включая продажу экспортной выручки, экспортные пошлины на сырье, блокировку свободы валютным и финансовым спекулянтам, меры по перемещению трансграничного перемещения капитала и др.)

Таким образом, требуется сформировать совет экономических консультантов при Президенте России, чтобы выработать инструменты политики системной и систематической — развития, а не стагнации. В перспективе этот Совет может стать прообразом или предосновой для создания планового органа в системе государственного управления страной (нового Госплана, определяющего и императивы научной монетарной политики), чтобы не возникало более абсурдных по своему содержанию и целям фетишей «управляемого охлаждения» или такого же «разогрева».

Необходимо развивать теорию распределенного управления применительно к выстраиванию макроэкономической политики развития на базе процедур планирования и коррекции как действий, так и самого развития.

Олег СУХАРЕВ

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник ИЭ РАН,
Профессор кафедры «Теории и методологии
государственного и муниципального управления»
ФГУ МГУ им. М. В. Ломоносова.

¹⁰ Имеется в виду статья к. э. н. А. А. Рубинштейна в Вестнике ИЭ РАН 2025 года номер 4 «К вопросу о ключевой ставке» — весьма поверхностно поясняющая как связи, так и дающая такие же рекомендации, явно без глубокого изучения прошлых работ С. Ю. Глазьева, и автора данной статьи. В то же время благодаря Рубинштейну хотя бы за одну ссылку на одну работу Глазьев — Сухарев. Хотя не могу согласиться с тем, что модель ПРВ работает, она усложняет, затуманивает решения, и льет воду на мельницу монетарных властей, допуская лишь медленный характер понижения ставки (не ясно как и что медленно, что быстро?) при сопровождающих ошибочных мерах (указаны какие — по импорту, инвестициям и т. д.)